

Детский сад

Илья Самойлович Бурмин служил старшим писцом в сиротском суде. Когда он овдовел, ему было около пятидесяти лет, а его дочке — семь. Сашенька была девочкой некрасивой, худенькой и малокровной; она плохо росла и так мало ела, что за обедом каждый раз приходилось ее стращать волком, трубчистом и городовым. Среди шума и кипучего движения большого города она напоминала те чахлые травинки, которые вырастают — бог весть каким образом — в расщелинах старых каменных построек.

Однажды она заболела. Вся ее болезнь заключалась в том, что она по целым дням безмолвно сидела в темном уголку, равнодушная ко всему на свете, тихая и печальная. Когда Бурмин ее спрашивал: «Что с тобой, Сашенька?» — она отвечала жалобным голосом: «Ничего, папа, мне просто скучно»...

Наконец Бурмин решился позвать доктора, жившего напротив. Доктор спустился в подвал, где Бурмин занимал правый задний угол, и долго искал места для своей енотовой шубы. Но так как все места были сыры и грязны, то он остался в шубе. Кругом его, но на почтительном расстоянии, столпились бабы — обитательницы того же подвала — и, подперши подбородки ладонями, глядели на доктора жалостными глазами и вздыхали, слыша слова «апатия», «анемия» и «рахитическое сложение».

— Ей нужно хорошее питание, — сказал строгим тоном доктор, — крепкий бульон, старый портвейн, свежие яйца и фрукты.

— Да, да... так, так, так, — твердил Илья Самойлович, привыкший еще у себя в сиротском суде к подобострастному согласию со всяким начальством.

В то же время он сокрушенно глядел вверх, на зеленые стекла окна и на пыльные герани, медленно умиравшие в промозглой атмосфере подвала.

— Всего важнее свежий воздух... Я бы особенно рекомендовал вашей дочери южный берег Крыма и морские купанья...

— Да, да, да... Так, так...

— И виноградное лечение...

— Так-с, так-с... Виноградное...

— А главное, повторяю, свежий воздух и зелень, зелень, зелень... Затем, извините... Чрезвычайно занят... Что это? Нет, нет... не беру, с бедных не беру... Всегда бесплатно... Бедных всегда бесплатно... До свидания-с.

Если бы у Ильи Самойловича потребовали для благополучия его дочери отдать на отсечение руку (но только — левую, правой он должен был писать), он ни на секунду не задумался бы. Но старый портвейн и — 18 рублей и 33½ копеек жалованья...

Девочка хирела.

— Ну, скажи мне, Сашурочка, скажи, моя кисинька, чего бы ты хотела? — спрашивал Илья Самойлович, с тоской глядя в большие серьезные глаза дочери.

— Ничего, папа...

— Хочешь куклу, деточка? Большую куклу, которая закрывает глаза?

— Нет, папа. Ску-учно.

— Хочешь конфетку с картинкой? Яблочко? Башмачки желтые?

— Скучно!

Но однажды у нее явилось маленькое желание. Это случилось весной, когда пыльные герани ожили за своим зеленым стеклом, покрытым радужными разводами.

— Папа... в сад хочу... Возьми в сад... Там... листики зелененькие... травка... как у крестной в садике... Поедем к крестной, папочка...

Она только раз и была в саду, года два тому назад, когда провела два дня на даче у крестной матери, жены писемоводителя мирового судьи... Она, конечно, не могла помнить, как сенсационно швыряла «писемоводителька» чуть ли не в лицо своим кумовьям стаканами со спитым чаем и как умышленно громко, тоном сценического а part

1

, ворчала она за перегородкой о всякой шущере, перекаточной голи, которая и так далее...

— Хочу к крестной в сад, папочка...

— Хорошо, хорошо, деточка, не плачь, кисюринька моя, вот будет хорошая погодка, и в садик тогда пойдешь...

Наступила, наконец, хорошая погода, и Бурмин отправился с дочкой в общественный сад. Сашенька точно ожила. Она, конечно, не посмела принять участия в делании из песка котлет и вкусных пирожных, но глядела на других детей с нескрываемым удовольствием. Сидя неподвижно на высокой садовой скамеечке, она казалась такой бледной и болезненной среди этих краснощеких, мясистых детей, что одна строгая и полная дама, проходя мимо нее, произнесла, обращаясь, по-видимому, к старой, тенистой липе:

— Удивляюсь, чего это полиция смотрит?.. Пускают в сад больных детей...
Какое безобразие! Еще других перезаразят...

Замечание строгой дамы не удержало бы, без сомнения, Илью Самойловича от удовольствия видеть лишний раз радость дочери, но, к сожалению, городской сад находился очень далеко от Разбойной улицы. Девочка не могла пройти пешком и ста саженой, а конка туда и обратно обходилась обоим сорок четыре копейки, то есть гораздо более половины дневного жалованья Ильи Самойловича. Приходилось ездить только по воскресеньям.

А девочка все хирела. Из ума Бурмина между тем не выходили слова енотового доктора о воздухе и зелени.

«Ах, если бы нам воздуху, воздуху, воздуху!» — сотни и тысячи раз твердил про себя Илья Самойлович.

Эта мысль обратилась у него чуть ли не в пункт помешательства. Почти напротив его подвала простирался огромный пустырь городской земли, где попеременно то в пыли, то в грязи купались обывательские свиньи. Мимо этого пустыря Илья Самойлович никогда не мог пройти без глубокого вздоха.

— Ну, что стоит здесь развести хоть самый маленький скверик? — шептал он, покачивая головой. — Детишкам-то, детишкам-то как хорошо будет, господа!

С планом превращения этого пустыря он как истый фанатик идеи носился всюду. Его на службе даже прозвали «пустырем». Однажды кто-то посоветовал Илье Самойловичу:

— А вы бы написали проектец и подали бы в городскую думу...

— Ну? — обрадовался и испугался Илья Самойлович. — В думу, вы говорите?

— В думу. Самое простое дело. Так и так, мол, состоя в звании обывателя... в виду общей пользы, украшения, так сказать, города... ну, и все такое.

Проект был написан через месяц, проект безграмотный, бессвязный и наивный до трогательности. Но если бы каждый штрих его каллиграфических

букв сумел вдруг заговорить с той страстной надеждой, с какой его выводила на министерской бумаге рука Ильи Самойловича, тогда, без сомнения, и городской голова, и управа, и гласные побросали бы все текущие дела, чтобы немедленно осуществить этот необычайно важный проект.

Секретарь велел прийти через месяц, потом через неделю, потом опять через неделю. Наконец он ткнул бумагой чуть ли не в самый нос Бурмина и закричал:

— Ну, чего вы лезете? Чего? Чего? Чего? Это дело не ваше, а городского самоуправления!

Илья Самойлович поник головой. «Самоуправления, — скорбно шептали его губы... — Да, вот оно, штука-то, само-упра-вления!»

Потом секретарь вдруг спросил строгим тоном, где служит Илья Самойлович. Бурмин испугался и стал просить извинения. Секретарь извинил, и Бурмин, скомкав бумагу, поспешно выбежал из думы.

Но неудача не убила его деятельности пропагандиста. Только теперь в его уме к образу Сашеньки, продолжавшей хиреть без солнца и воздуха, присоединились бледные личики многих сотен других детей, задыхавшихся, подобно его дочери, в подвалах и на чердаках. Поэтому он настойчиво являлся со своим проектом и в полицию, и в военное ведомство, и к мировым судьям, и к частным благотворителям. Конечно, отовсюду его прогоняли.

Один из его сослуживцев, копиист Цытронов, считался очень светским человеком, потому что посещал трактир «Юг» и читал единственную городскую газету — «Непогрешимый». Он как-то, не то шутя, не то серьезно, сказал Илье Самойловичу:

— Вот если бы про этот пустырь продернуть в фельетоне, тогда было бы дело другого рода... Вы не читали никогда фельетонов «Скорпиона»?.. Какое перо! Так прямо и катает: у Николай Николаича, мол, гордая походка и левое плечо выше правого. Ядовитый господин!

Скрепя сердце переступил Илья Самойлович порог редакции (в думу он шел гораздо смелее). В большой комнате, пахнувшей резиной и типографской краской, сидело за столом пять косматых мужчин. Все они выстригали из огромных куч газет какие-то четырехугольные кусочки и зачем-то наклеивали их на бумагу.

Как ни добивался Илья Самойлович, чтобы ему показали «Скорпиона», он не успел в этом.

— Скажите сначала, зачем вам его надо, — говорили ему косматые мужчины, — разве вы не знаете, что псевдоним сотрудника есть редакционная тайна?

Однако, когда Илья Самойлович рассказал им свой заветный проект, косматые мужчины сделались откровенны и обещали Бурмину свое покровительство.

А Сашенька уже не вставала с кровати и лежала в ней бледная, вытянувшаяся, с носиком, заострившимся, как у мертвеца.

— Хочу в садик, папочка, в садик, скучно мне, папа, — твердила она тоскливым голосом.

Может быть, ее больной организм инстинктивно жаждал чистого воздуха, подобно тому как рахитические дети бессознательно едят мел и известь?

Бурмин старался согреть поцелуями ее худенькие, холодные руки и говорил ей неожиданные трогательные слова, которые становятся такими смешными в чужой передаче.

Весной, когда иссохшие герани потянулись опять к солнцу, Сашенька умерла. Подвальные бабы обмыли ее и обрядили и положили сначала на стол, а потом в гроб. Илья Самойлович точно окаменел. Он не плакал, не произносил ни слова и не отводил глаз от маленького бледного личика.

Только в день похорон, когда убогая процессия проходила мимо пустыря, он немного оживился. На пустыре копошились с лопатами десятка два рабочих.

— Что же это такое? — спросил Илья Самойлович Яковлевну, свою соседку по подвалу, торговавшую на базаре селедками.

— Чи я знаю? — ответила Яковлевна сквозь обильные слезы. — Кажут людэ, що якыйсь садок тут поставлять. Дума... чи як ей?..

Тогда Илья Самойлович вдруг прерывисто вздохнул, перекрестился, и громкие облегчающие рыдания неудержимо вырвались из его груди.

— Ну, вот и слава богу, и слава богу, — сказал он, обнимая Яковлевну. — Теперь и у наших деточек свой садик будет. А то разве нам можно на конках ездить, Яковлевна? Ведь это не шутка — сорок четыре копейки туда и обратно.